

Социальные эффекты образовательной политики

А. Г. Асмолов

- Год учителя
- Социальные эффекты образовательной политики
- Социальное самоопределение субъектов в современном образовании

В последние годы и даже десятилетия российское образование вместе со всей страной стало ареной изменений, затрагивающих фактически каждого жителя России. Оно пережило и продолжает переживать периоды стабилизации (начало девяностых годов), реформирования и развития (середина девяностых годов) и, наконец, модернизации (с конца 90-х – до нынешнего 2010 года). Основным вектором периода модернизации, хронологической точкой отсчета которого является 1997 год, был и остается вектор разработки организационно-экономических проектов развития сферы образования (1). Оценка успехов, неудач и социально-экономических последствий каждого из обозначенных выше периодов – вопрос специального историко-аналитического исследования, которое необходимо для проектирования будущих сценариев развития образования.

Вместе с тем, даже беглый анализ новейшей истории реформирования образования позволяет заключить, что за гранью различных сценариев его развития, как правило, оказывались следующие системные социальные эффекты:

- формирование гражданской идентичности как предпосылки укреп-

ления российской государственности;

- социальная и духовная консолидация общества;
- обеспечение социальной мобильности личности, качества и доступности образования как факторов уменьшения рисков социального расслоения общества;
- конструирование социальных норм доверия друг к другу представителей различных социальных групп, религиозных и национальных культур;
- успешная социализация подрастающего поколения;
- повышение конкурентоспособности личности, общества и государства.

Для дальнейших поисков путей трансформации системы образования необходимо выделить вопросы, касающиеся природы социальных эффектов образования и их роли в жизни личности, семьи, общества и государства как института формирования гражданской, социальной, культурной, личностной идентичности жителей России, консолидации граждан в обществе нарастающего поликультурного и полиэтнического разнообразия. Это, в первую очередь, следующие вопросы.

1. С какого рода рисками сталкиваются политики и управленцы, пытающиеся реформировать сферу образования без учета социальных эффектов образования?

2. Как образование влияет на такие проявления социальной стратификации, как: «социальный лифт» (повышение социально-экономического статуса в системе социальной иерархии общества), «социальный миксер» (перемешивание разных социальных слоев общества), «социальный колодец» (падение социально-экономического статуса в системе социальной иерархии общества)?

3. Какие социальные действия и программы следует осуществить, чтобы перейти от декларации приоритетности образования как ценности общества к достижению реального приоритета образования как к задаче государственной политики?

4. Какова роль образования в целом, в том числе школьных стандартов образования, в формировании гражданской идентичности личности, «общей родословной» российских граждан, чувства понимания исторической «общей судьбы», являющегося основой социальной солидарности российского общества?

За происходящими изменениями российского образования стоят, наряду с попытками его целенаправленного реформирования со стороны органов государственной власти, многочисленные слабо контролируемые процессы. Одни из них связаны с инициативами различных социальных групп, другие – с пассивной реакцией образовательной системы на различные бюджетные ограничения.

5. Может ли образование как институт социализации личности быть конкурентоспособным по отношению к другим институтам социализации подрастающих поколений: семье, религии и средств массовой коммуникации?

6. Как превратить управление образованием через его стандарты в ресурс уменьшения разных рисков, социальных и межличностных конфликтов, в том числе возникающих на

почве ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии, социальной агрессии и нетерпимости?

7. Как через управление знаниями с помощью такого инструмента, как стандарты образования, добиться социального доверия и взаимопонимания в российском обществе?

Для того чтобы наметить пути решения этих вопросов, обратимся к анализу барьеров массового сознания, препятствующих модернизации образования.

Барьеры массового сознания, препятствующие модернизации образования

Глобализация, неизбежная включенность российского общества в общемировые процессы, уже наступившая эра коммуникационной цивилизации в значительной степени повлияли на политические, социокультурные и экономические процессы в России.

Перемены привели к тому, что общество перешло от относительно стабильной фазы развития к динамической; от «закрытого» общества – к «открытому»; от индустриального общества – к постиндустриальному, информационному обществу.

Асмолов Александр Григорьевич
доктор психологических наук,
член-корреспондент Российской
академии образования,
зав. кафедрой психологии личности
МГУ им. М.В. Ломоносова, директор
Федерального института развития
образования Министерства
образования и науки РФ.

Присущая этому переходу социальная, духовная и экономическая дифференциация общества и появление различных форм собственности стали предпосылками сосуществования государственного, негосударственного и семейного образования, и тем самым, неизбежной социальной трансформации всей системы образования в целом.

Нередко эту трансформацию системы образования расценивают как

непосредственный результат целенаправленных реформ. Подобная характеристика претерпеваемых изменений неточна и во многом наивна.

В действительности за происходящими изменениями российского образования стоят, наряду с попытками его целенаправленного реформирования со стороны органов государственной власти, многочисленные слабо контролируемые процессы. Одни из них связаны с инициативами различных социальных групп, другие — с пассивной реакцией образовательной системы на различные бюджетные ограничения. Следует учесть, что попытки реформирования образования, в том числе и попытка его организационно-экономической модернизации в последние годы, осуществлялись на фоне негативных социальных ожиданий как различных слоев населения, так и многих представителей образовательного сообщества. Существует целый ряд серьезных причин, вызывающих подобные ожидания и разочарования:

- игнорирование мотивации населения при проведении социальных реформ;
- негативный опыт предшествующих реформ в области социальной политики;
- сведение государственной политики реформирования образования к программам его реформирования как отдельной отрасли.

От постулата о приоритете образования как социального мифа — к достижению приоритета образования как задачи государственной инновационной политики

Рассмотрим ряд общих вопросов и проблем, которые порой из-за своей очевидности и кажущейся банальности воспринимаются как постулаты, не требующие доказательств, а не как задачи, решение которых требует приложения совместных усилий.

Один из таких вопросов — по каким причинам тезис о *приоритетности образования*, а также о *ценности образования* (впрочем, как и науки) резко расходится с реальностью и, как правило, находится на уровне мифов, деклараций и благих заверений? Отметим, что в странах с постиндустриальным уровнем развития их конкурентоспособность определяется уровнем

доступности и качеством образования. Очевидно, что перед Россией стоит задача достижения приоритетности образования и превращения его в российском менталитете в ценность в качестве стратегической задачи государственной политики. Только при условии успешного решения данной задачи образование может стать подлинным ресурсом повышения конкурентоспособности личности, общества и государства.

В советской идеологии образование и СМИ явно или неявно исполняли мелодию социального конструирования идентичности, именуемой «советский человек». Вспомним слова песни: «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз».

Очевидно, что перед Россией стоит задача достижения приоритетности образования и превращения его в российском менталитете в ценность в качестве стратегической задачи государственной политики.

Кризис идентичности после распада СССР, погружение советской Атлантиды на дно исторического океана привели к тому, что массовое сознание людей разных национальностей, конфессий и регионов стало своего рода «бездомным сознанием». В такой ситуации именно активная идеология проектирования гражданской идентичности (государственной идентичности) может стать фабрикой по производству «социального клея», скрепляющего ослабленные связи в социальных сетях России.

Для достижения этой цели было бы целесообразно через образование, являющееся институтом социализации, использовать стандарты нового поколения в качестве политического инструмента конструирования гражданской идентичности как базовой предпосылки укрепления государственности. Подобного рода задача, хотя и при гораздо более значительной затрате ресурсов, могла бы быть решена и через СМИ.

Именно социальное конструирование гражданской идентичности выступает в качестве миссии социокультурной модернизации образования, а тем самым, и социокультурной модернизации общества.

Чтобы осуществить эту миссию, необходимо оценить, насколько структура образования отвечает стратегическим целям развития России, разработать государственные стандарты как конвенциональные нормы, реализующие в форме общественного договора социальные ожидания по отношению к образованию личности, семьи, общества и государства.

В контексте социокультурной модернизации общества необходимо рассматривать эффективность таких важных инноваций, как: контроль качества общего образования посредством ЕГЭ; введение нового поколения стандартов школьного образования; массовое распространение моделей профильного обучения; результативность

программы информатизации образования; эффективность введения механизма образовательных кредитов в сфере профессионального образования; степень соответствия обновленного классификатора специальностей и направлений подготовки специалистов в учреждениях профессионального образования прогнозам потребностей российской экономики.

Подчеркнем еще раз, что для понимания потенциала, ограничений и рисков организационно-экономической концепции модернизации образования следует выйти за пределы образования как ограниченной сферы и рассмотреть потенциальные векторы трансформации образования в качестве ведущей социальной деятельности общества в системе координат политического, социально-экономического, интеллектуального и культурного развития страны.

Риски недооценки социальных эффектов образования

Как было отмечено выше, даже беглый анализ места и функции сферы образования в российском обществе показывает, насколько тезис о

приоритетности образования расходуется с социальной действительностью. Риски недооценки социальных эффектов системы образования отражают отношение общества к образованию, а соответственно, и к результату образования как социальной деятельности.

Приведем примеры нарастания лишь некоторых социальных рисков, проявляющихся в процессе социализации подрастающего поколения в современном обществе:

- отсутствие четкой стратегии молодежной политики, поддержки детских, подростковых и юношеских общественных объединений, способствующих решению задач личностного самоопределения и формирования идентичности молодежи;
- рост социального сиротства;
- феномен детского нищенства;
- феномен ранней коммерциализации подростков, обуславливающий рост нарушений морального и нравственного развития подростков и вероятность их взаимодействия с криминальными слоями общества;
- риск нарастания агрессивного поведения подростков;
- рост детской и подростковой преступности;
- увеличение количества детей – жертв насилия;
- снижение возрастной границы раннего алкоголизма, распространение наркомании и токсикомании;
- личностная незрелость, в том числе, моральная незрелость;
- неадекватные стратегии совладания подростков и молодежи с трудными жизненными ситуациями.

Перечень подобных феноменов и тенденций можно было бы продолжить. Но уже и этой выборки достаточно, чтобы констатировать несогласованность действий различных социальных институтов, призванных решать задачи профилактики и предупреждения дефектов социализации, и прийти к следующим заключениям.

Во-первых, социализация детей, подростков и молодежи претерпевает серьезные изменения в эпоху массовых коммуникаций, Интернета, киберпространств, сдвига ценностей в переживаемый Россией переходный период и т. п. Социологические опро-

сы свидетельствуют о социальной разнородности растущего поколения, его многомерности, тенденции к разрыву «связей времен» и пр. Вместе с тем, как за рубежом, так и в России системные программы исследований социального профиля молодого поколения и роли идентичности в развитии общества находятся только на самой начальной стадии.

При реформах образования в предшествующие периоды разрабатывались разные стратегии развития образования с опорой на весьма размытый, социальный портрет будущего поколения. Вряд ли необходимо детально аргументировать, что реформирование образования на фоне подобной «поколенческой неизвестности» представляет собой один из самых высоких рисков любых социальных реформ в современном мире.

Во-вторых, даже случайная выборка приведенных примеров доказывает, что такой традиционный институт социализации, как институт семьи, испытывает глубокий кризис. Более того, институт семьи не выдерживает конкуренции с другими институтами социализации – религией, СМИ, Интернетом. Поэтому системная картина процесса социализации растущего поколения не может быть рассмотрена без изучения процесса взаимодействия института образования с институтами семьи, религии и средств массовой коммуникации, которые во многом определяют, пользуясь термином классика мировой психологии Л.С. Выготского, «зону ближайшего развития» подрастающего поколения. Вместе с тем, по многим причинам, в том числе и из-за ведомственных барьеров, у этих «нянек» растущее поколение оказывается «без глаз». Неудивительно, если это поколение преподнесет российскому обществу самые неожиданные сюрпризы.

В-третьих, в связи с тем, что социальный институт образования является наиболее государственно-управляемым институтом социализации, от него требовали и будут требовать компенсации социальных дефектов других более спонтанных и менее управляемых институтов социализации, прежде всего, таких, как семья и СМИ. В результате, на образование, само переживающее кризис, возлагались и будут возлагаться социальные ожидания и политические задачи, связанные

с компенсацией дефектов процесса социализации в семье, не говоря уже о дефектах могучего неформального образования, осуществляемого посредством СМИ и Интернета.

В-четвертых, все обозначенные выше общие особенности процесса социализации подрастающих поколений следует рассматривать с учетом специфики социализации в переживаемый Россией исторический переходный период. Известное изречение «не дай вам Бог жить в эпоху перемен» полностью применимо к идущему в России процессу социализации подрастающих поколений. В ситуации сдвига ценностей возникает и усиливается феномен «негативной идентичности». Особое значение феномен «негативной идентичности» имеет для понимания специфики формирования идентичности как процесса отождествления себя с той или иной социальной группой у подростков.

Если внимательнее всмотреться в очерченную выше картину процесса социализации и обеспечивающих этот процесс различных социальных институтов (семьи, образования, религии и СМИ), то несоответствие между стратегией реформирования образования без учета его социальных эффектов и отношением к образованию как к приоритетному для государства каналу воздействия на общество станет еще более очевидным.

Без понимания системного характера всех обозначенных выше социальных эффектов и приоритетов образования нельзя организовать его проектирование в качестве института успешной личностной и профессиональной социализации, обеспечивающего рост социально-экономических ресурсов государства и приводящего к росту государственного капитала через накопление человеческого капитала.

Различные социальные эффекты образования с особой отчетливостью проявляются в дошкольном образовании, общем школьном образовании, дополнительном образовании детей и подростков, а также в специальном компенсирующем образовании детей с физическими и психическими трудностями развития. В результате общество спрашивает с образования не только и не столько за его вклад в обучение детей, сколько за те негативные эффекты, которые являются следствием всех институтов социализации.

Все обозначенные выше социальные эффекты подкрепляют исторически существующие в педагогической профессии, особенно профессии Учителя, как особо ценной для общества, социальные ожидания, иногда неосознанные, что образование компенсирует социальные дефекты социализации, возникающие в семье, под воздействием СМИ и других институтов социализации.

В том же случае, когда эти эффекты не учитываются, федеральные и региональные программы образования замыкаются внутри сферы образования, а образование сводится к сфере услуг. В результате социально-ролевые отношения между обществом и образованием начинают выстраиваться в плоскости отношений между клиентами и поставщиками образовательных услуг.

Если государство и общество по отношению к образованию явно или неявно занимают социальные позиции потребителя и клиента, то взаимодействие между ними и образованием устанавливается по принципу прагматичного обмена («ты — мне, я — тебе»). Вследствие этого складывается оппозиция «мы — они», нарушающая отношения социального партнерства между образованием, бизнесом, семьей, обществом и государством. В этой социально-исторической ситуации нарастают риски формирования общества «негативной идентичности», представленного поколением, «не знающим родства».

Стандарт образования как общественный договор и формирование гражданской идентичности личности

В целях уменьшения описанных выше рисков общественного развития во главу угла социокультурной модернизации образования ставится идеология разработки стандартов как конвенциональных норм, отражающих социальные ожидания по отношению к образованию личности, семьи, общества, бизнеса и государства.

В основе разработки стандарта общего образования лежит представление об образовании как о ключевом институте социализации личности, обеспечивающем:

- обращение подростков и молодежи к ведущим ценностям отечественной и мировой культуры, форми-

рование гражданской идентичности и солидарности общества;

- овладение универсальными способами принятия решений в различных социальных и жизненных ситуациях на разных этапах возрастного развития личности [2];
- снижение вероятности рисков социальной дезадаптации и нарушений здоровья подрастающих поколений.

Базовыми ориентирами при проектировании современных стандартов образования как института социализации являются ориентиры:

- на выделение ценностных установок образования как института социализации личности, отражающих требования к нему семьи, общества и государства;
- на определение в качестве ведущей цели образования в информационную эпоху мотивации к обучению и формирование «компетентности к обновлению компетенций» [3];
- на понимание стандартов общего образования как конвенциональных норм, гарантирующих доступность, качество, эффективность образования и фиксирующих требования к результатам образования, набору образовательных областей, объему нагрузки на различных уровнях и ступенях образования с учетом возрастных и индивидуально-психологических особенностей развития учащихся, а также требования к срокам обучения, структуре примерных образовательных программ, процедурам контроля образовательных достижений учащихся на разных возрастных этапах;
- на проектирование вариативных психолого-педагогических технологий формирования универсальных познавательных действий.

Систематизация программ по осознанию «идентичность» позволяет уйти от административно-территориальной систематизации компонентов стандартов образования к федеральным, региональным и школьным компонентам стандартов и раскрыть реальные ценностные установки образования, обеспечивающие решение различных учебных задач и построение обучающимися картины мира на разных ступенях образования [4].

Ценностные ориентиры методологии образования как ведущей социаль-

ной деятельности общества позволяют в контексте проектирования стандартов осуществить формирование гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности через разработку трех типов программ:

- совокупность программ по формированию гражданской идентичности человека как гражданина своей страны, воспитание гражданского патриотизма и любви к Родине: русский язык как государственный, история Отечества, родная литература, обществознание, граждановедение и т. д.
  - совокупность программ по формированию этнокультурной идентичности и региональной идентичности (солидарности с «малой родиной» — село, город, регион), направленных на приобщение к национальной культуре, знание истории родного края и т. п.: национальный язык как родной язык, краеведение, национальная история, национальная литература и т. д.
  - совокупность программ по формированию общечеловеческой идентичности, направленных на приобщение к продуктам мировой культуры и всеобщей истории человечества, общечеловеческим ценностям, достижениям науки и техники, роднящим человека со всем человечеством: математика как универсальный язык общения, информатика, физика, окружающий мир, мировая история, мировая литература, мировая художественная культура, экономика и т. п.
- В случае успешного решения задачи формирования гражданской идентичности личности в контексте образования как ведущей социальной деятельности общества будут достигнуты системные социальные эффекты:
- осознание представителями подрастающих поколений себя гражданами России;
  - укрепление российской государственности;
  - рост конкурентоспособности российского общества в современном мире;
  - уменьшение риска распада страны на отдельные территории по этническому, конфессиональному и/или региональным параметрам и риска различных социальных конфликтов (этнических, конфессиональных, межрегиональных и т. п.).

Образование как институт достижения социального доверия, толерантности и профилактики ксенофобии

В условиях роста социального разнообразия в стране перед системой образования все более рельефно встают задачи обеспечения консолидации различных слоев гражданского общества, уменьшения социальной напряженности между представителями различных конфессий и национальных культур. Решение этих задач требует реализации государственной политики, направленной на воплощение принципов веротерпимости, толерантности, миролюбия, гражданского патриотизма и светскости в системе образования и, тем самым, превращения образования в институт накопления социального доверия и согласия в России.

в условиях бурных нерегулируемых миграционных процессов, приводящий к изменению социальных дистанций между различными этническими, конфессиональными, поколенческими и социальными слоями общества и, тем самым, к росту социальной напряженности;

- возникновение в обществе стереотипов восприятия проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии как привычной социальной нормы и, тем самым, явное или неявное санкционирование использования негативных образцов агрессивного поведения в деятельности отдельных личностей и социальных групп, в том числе транслируемых через СМИ;
- активное распространение манипулятивных технологий формирования установок «свои – чужие»,

тных ориентаций подростков – свидетелей и участников разного рода травмирующих ситуаций, доказывающие, что в современном российском обществе возникают стереотипы восприятия проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии как социальной нормы.

Наиболее явно указанные выше моменты проявляются в жизни социальных групп, находящихся в фокусе повышенного общественного внимания (подростки, мигранты, национальные меньшинства). В процессе мониторинга толерантности в подростковой субкультуре (2003 г.) подростки, отвечая на вопрос об отношении в современной России к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, на первое место поставили агрессивный национализм (18,6%), затем расизм (17,1%), дискриминацию (16,4%), насилие (14,7%), нетерпимость (14,4%), терроризм (13,4%). Только около двух процентов подростков считают, что ни одно из перечисленных явлений не распространено по отношению к вышеупомянутым меньшинствам [6].

Показательно высок и процент тех школьников, которым безразлична эта проблема (28,2%). Настораживает также тот факт, что более трети опрошенных подростков относятся с безразличием к любым неформальным молодежным группам, в том числе и к скинхедам.

Приведенные данные свидетельствуют, что образование может выступить как один из ведущих факторов формирования толерантности и профилактики ксенофобических установок у детей и подростков. Вместе с тем, эти его возможности используются с чрезвычайно низкой эффективностью.

В контексте разработки стратегии социокультурной модернизации образования в целях уменьшения социальной напряженности и преодоления, выделенных в ходе мониторинга негативных социальных установок подростков и молодежи предлагается расширение использования учебных программ, раскрывающих взаимодополняющие ценности разных религий, национальных культур в истории цивилизаций и в многонациональном современном обществе. Посредством специально разработанных социально-психологических технологий формирования толерантности учителя,

Если государство и общество по отношению к образованию явно или неявно занимают социальные позиции потребителя и клиента, то взаимодействие между ними и образованием устанавливается по принципу прагматичного обмена.

Для проектирования образования как социального института, обеспечивающего формирование толерантности и профилактику экстремизма, необходимо учитывать следующие предпосылки социальной напряженности в обществе:

- рост социального разнообразия общественной жизни и сложности процесса гражданской идентификации – принятия решений о месте личности (социальной группы) в системе гражданских, социальных, профессиональных, национальных, религиозных, политических отношений; неопределенность ценностей и социальных установок на уровне личности и социальной группы, возникшая в результате быстрых изменений политического, экономического и национально-государственного устройства страны;
- рост гипермобильности населения, обусловленный динамикой этногеографической структуры общества

конструирование образа врага, использование языка вражды в СМИ, создание радикальных «сайтов ненависти» в Интернете, основной мишенью которых являются подростки и чувствующие себя социально ущемленными слои населения.

Результаты социологического мониторинга показывают, что в проявлениях нетерпимости фактически конкурируют между собой средства массовой информации и сфера семейной жизни, в то время как сфера образования оценивается как сфера наименьшего проявления нетерпимости [5]. Отсюда можно заключить, что ожидания общества по отношению к образованию как институту социализации, способному компенсировать дефекты социализации в семье, под воздействием СМИ и «улицы», имеют реальную основу.

Наряду с этими данными, повышенного внимания заслуживают исследования социальных стереотипов, формируемых СМИ, а также ценнос-

преподаватели, школьники и студенты в ходе различных тренингов толерантности и социальной компетентности могут научиться разрешать конфликтные ситуации, вести переговоры, вставая на позиции противоборствующих сторон и пытаясь увидеть мир глазами другого человека. При этом толерантность означает вовсе не отсутствие собственной позиции или равнодушие к разным формам религиозной и национальной нетерпимости. Напротив, только человек, имеющий собственное мировоззрение и веру, способен проявлять великодушие, уважать мировоззрение и веру другого человека, обладать гармонией гражданской, этнокультурной и общечеловеческой идентичности.

Перспективы социокультурной модернизации образования

Проведенный выше анализ позволяет наметить основные задачи стратегии социокультурной модернизации образования, без решения которых будут нарастать социальные риски в процессе общественного развития страны.

Первая задача состоит в разработке проектов, раскрывающих сущность образования как ведущей социальной деятельности общества и их реализации в государственных программах различного уровня. Фокусом этих целевых программ является образовательное пространство как социальная сеть, включающая образование наряду с другими институтами социализации (семья, СМИ, религия, социально-экономические институты) и определяющая социальные эффекты взаимодействия образования с этими институтами в жизни личности, общества и государства. Приходится констатировать, что в настоящее время, несмотря на наметившийся в государственной политике вектор движения к обществу, основанному на знаниях, в массовом сознании связь образования с социальными эффектами общественного развития представлена весьма слабо. Отсюда следует, что реализация стратегии социокультурной модернизации системы образования должна стать одним из факторов изменения социальных установок населения по отношению к образованию.

Вторая задача связана с целенаправленным формированием гражданской идентичности как предпосылки становления гражданского общества и

роста солидарности в российском обществе. Без решения этой задачи кризис идентичности будет нарастать, порождая политические и социальные риски на пути развития страны.

С решением задачи формирования гражданской идентичности непосредственно связана **третья задача** социокультурной модернизации образования — задача проектирования программ, в первую очередь, дошкольного и школьного образования, обеспечивающих формирование социальных норм толерантности и доверия как условия диалога культур в многонациональном российском обществе.

Образование может выступить как один из ведущих факторов формирования толерантности и профилактики ксенофобских установок у детей и подростков. Вместе с тем, эти его возможности используются с чрезвычайно низкой эффективностью.

Четвертая задача — это задача компенсации потенциальных рисков социализации подрастающих поколений, возникающих в других институтах социализации. Речь идет о путях поиска социального партнерства с институтами СМИ, религии и семьи в целях успешной социализации детей, подростков и молодежи и использование социальных сетей между этими институтами для уменьшения риска социальных конфликтов и напряженности в обществе.

Пятая задача — это повышение мобильности, качества и доступности образования как ресурса роста социального статуса личности в современном обществе, достижения ее профессионального и личностного успеха, порождающего веру в себя и будущее своей страны. Решение этой задачи, прямо связанной со стратоеобразующей функцией образования, позволит также ослабить риски социальной сегрегации, в значительной степени являющейся следствием низкой социальной мобильности и доступности качественного образования населению страны.

Шестая задача — развитие «компетентности к обновлению компетенций» как ценностной целевой установки при проектировании образовательных программ разного уровня,

позволяющей представителям подрастающих поколений в условиях стремительного роста информационных потоков и темпа социальных изменений справляться с различными профессиональными и жизненными проблемами.

И, наконец, **седьмая задача** социокультурной модернизации образования — разработка стандартов общего образования как конвенциональных социальных норм, обеспечивающих баланс интересов семьи, общества и государства и позволяющих осуществить жизненные притязания молодежи.

Таковы в самом общем виде первоочередные задачи социокультурной модернизации образования, от конструктивного решения которых во многом зависит рост конкурентоспособности личности, общества и государства на очередном витке общественного развития нашей страны.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г., Дмитриев М.И., Клячко Т.Л., Кузьминов Я.И., Тихонов А.Н. Концепция организационно-экономической реформы системы образования России // Поиск. — 1997. — №38.
2. Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А., Карабанова О.А., Салмина Н.Г. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования // Вопросы психологии. — 2007. — №4. — С. 16–23.
3. Кузьминов Я.И. Образование в России. Что мы можем сделать? // Вопросы образования. — 2004. — №1. — С. 5–30.
4. Стратегия развития вариативного образования: мифы и реальность // Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. — Москва; Воронеж, 1996. — С. 600–611.
5. Солдатова Г.У., Филилеева Е.В. Толерантность, социальное доверие и ксенофобия: определяющие факторы и группы риска // Тетради Международного университета в Москве. — 2006. — №6. — С. 154–176.
6. Собкин В.С. Толерантность в подростковой культуре. — Москва, 2003.